

Глава 3.2: Воспоминание.

Вне работы Харольду действительно больше нечего было делать. У него не было друзей и практически никогда не было девушки, так как он всегда был слишком занят Натаном, чтобы даже думать об этом. Проблема с двумя родителями, которые практически игнорировали ваше существование, заключалась в том, что вы просто никогда не научитесь каким-либо образом развивать какие-либо социальные навыки или эмоциональный интеллект. О, Харольд был неуклюжим ребенком в детстве, но он просто не умел общаться с людьми. Даже тогда он был слишком занят заботой о брате или работой, чтобы заметить эту вопиющую проблему. Именно в университете он заметил, насколько одиноким он был на самом деле, несмотря на то, что не был постоянно занят. Но он понятия не имел, как завести друзей, и поэтому его цикл одиночества продолжался до его взрослой жизни.

Единственными спутниками Харольда были его книги. Он чувствовал себя живым, когда читал. Он узнал о радости, утрате, печали, печали, гневе и любви из своих книг. Так легко было потеряться в книге, предаться иллюзии жизни и при этом забыть жить. Было легче и менее болезненно потеряться в фантазиях, чем признать тот факт, что он прожил пустую жизнь. Во многих смыслах то, что что-то было фальшивым, не делало его менее правдивым, менее красивым и могущественным.

Итак, Харольд провел еще несколько лет в качестве учителя, живя больше своими сказками и рассказами, чем снаружи, решив не страдать, как когда умер его брат. Потому что для Харольда Натан был всем. Он был его целью. Он пожертвовал своим детством, чтобы у его брата было такое, он пожертвовал своим будущим, чтобы заботиться о нем. Он так и не испытал ни отцовской гордости, ни жизни матери ради него, и все же Натан умер с легкой улыбкой на лице, оставив Харольда одного в этом мире.

Когда Харольду было за тридцать, у него обнаружили опухоль головного мозга. Она была неоперабельна, и ему оставалось жить несколько месяцев. Он не хотел прожить остаток оставшейся жизни привязанным к машине и не с кем было жить. Это было грустно; Мозг Харольда был его гордостью, единственным, что у него осталось, и это убивало его. Это была ирония во всей красе.

В другой жизни Харольд Смит мог бы изменить мир, но это был не этот мир, и поэтому он мягко отправился в эту прощальную ночь. Его кончину не заметил ни один человек, кроме его учеников. Никто не оплакивал его кончину более суток. Он был забыт в анналах истории. Его песня закончилась, а мелодия осталась.

Гарри Поттер резко сел, когда понял, что только что произошло. Он вспомнил другого мужчину, другую жизнь, другого Гарри. Были ли они одним и тем же человеком в душе? Был ли он Гарри Поттером или Харольдом Смитом? Действительно, была ли разница? У них был практически один и тот же характер, подчеркнутый одинаковой эмоциональной неловкостью. Они оба были учеными, которых игнорировали их семьи, и заставляли расти быстро и в одиночестве. Даже их имена были похожи.

Единственная разница заключалась в том, что теперь у Гарри было больше знаний и

информации о мире. О, это и волшебство, которое есть.

Потому что Харольд Смит знал о Гарри Поттере, об Избранном, молодом волшебнике, который жертвует своей жизнью ради общего блага, чтобы сразиться с человеком, убившим его родителей, Темным Лордом Волан-де-Мортом. Это была детская сказка в мире Смита, и тем не менее она объясняла все странности, окружавшие юного Гарри. Это объясняло страх в глазах тетушки всякий раз, когда он смотрел на него, это объясняло, почему маггловцы, ненавидящие магию, называли его уродом — и каким странным и немного оскорбительным словом это было — то, что он называл ее родственников. Но самое главное, это могло объяснить, как он просто изгнал Дадли, не прикоснувшись к нему.

Это было слишком хорошо, слишком идеально подходило, чтобы быть чем-то еще. Гарри не знал, злиться ему или нет на то, что его жизнь была детской книгой, которая на самом деле показала, как трудно будет юноше. Одержимые учителя, гигантские змеи, убивающие взглядом, и гигантские демоны, высасывающие души, посылали ему предупреждающие колокола.

И все же Гарри не мог не радоваться перспективе отправиться в Хогвартс и изучать там магию. Какими бы ни были опасности, в душе он все равно оставался ученым, реинкарнацией или нет. Что же касается Волдеморта, то теперь, когда он понял, какую опасность представляет, с ним будут обращаться осторожно. Было бы пугающе играть в игру между Дамблдором и Волдемортом, где он был не более чем пешкой, но ради шанса научиться чему-то столь же захватывающему, как магия, он сделал бы это без жалоб. Ну, он может немного пожаловаться. Он мог бы даже подружиться там с другим волшебником или ведьмой.

И если ему суждено стать волшебником, Гарри, черт возьми, станет волшебником, которого мир когда-либо видел. Его жизнь как Харольда Смита была разочарованием, пустотой, он ничего не добился своим существованием. Нет, Гарри Поттер восстанет из пепла Харольда Смита, чтобы достичь величия. Ибо он отказался снова быть никем.

Гарри встал с кровати, на которой спал, мысли были полны цели. Он огляделся и увидел, что находится в лазарете. Рядом с ним было зеркало, и мальчик решил увидеть степень своих травм. На его левой щеке был небольшой синяк, но он не выглядел серьезным. Тут-то он и заметил отчетливое отсутствие шрама на лбу, и все его планы в мгновение ока пошли к черту.